1 р. 90 к., переплет 90 к.

Ж13/3

Склад изданий:
«Сектор художественной литературы»
Книготоргового объединения Госуд. изд-в
Москва, 6. 1-й Колобовский пер., 12.
№ 310.

К56 7/65

НИКОЛАЙ БРАУН

с

Люлли

Николай Браун

МОЛЧАЛИВЫЙ

К56 7/65

НИКОЛАЙ БРАУН

Мюнхен

[illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В ЛЕНИНГРАДЕ

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
28 № 6602
1933

КАК БЫ ТРУДНО НИ РОЖДАЛСЯ НОВЫЙ ПОРЯДОК, КАКИЕ БЫ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ И ДАЖЕ ПОРАЖЕНИЯ НИ ПАЛИ НА ДОЛЮ ОТДЕЛЬНЫХ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК, НИКАКАЯ СИЛА В МИРЕ НАЗАД ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ ВЕРНЕТ.

Ленин.

КОНЕЦ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
НЕМЕЦКИЕ СОЛДАТЫ ИДУТ ПО ДОМАМ

Ноябрь вошел, срывая сроки, —
И всё, что фронтом было вчера:
Серые шинели, небритые щеки
Людей, расшатанных до нутра, —
Сегодня идет сплошным распутьем,
Идет назад, на города,
Ползут снаряды и орудья,
Повозок обозная орда.

Скрипит мороз, траву топыря,
Скрипит по-зимнему опять.
Их было четыре зимы, четыре
Пытки! Пятой не бывать!

Летит к чертям войны мытарство —
Приказы кайзера — на штыки!
Идут саксонцы, шагают баварцы,
Качают каски пруссаки.

Бегут от газовых навесов,
Колючих проволок, волчьих ям,
Сырых траншей.
И поет железо
Колес по мерзлым колеям.

Несут герои, трясут калеки
Железные крестики на груди,
Их руки и ноги потеряны навеки,
Где-нибудь в овраге гниют позади.
А что впереди?
Что впереди?
Протезы — уродам.
Подачек божеские куски.
Что впереди?
Военных заводов
Заброшенные станки —
На что ж вам руки, здоровяки?

Что впереди?
Иссохшие груди
Матерей. Втолкуй им, пойди,
Что это — хозяйское правосудье,
Что хлеба не будет,
Работы не будет,
Не будет!
Что еще впереди?

Встают бастующие заводы,
И лозунг у них один:
«Мира! Хлеба! Свободы!»
Что еще впереди?

Кайзера имя смыто, смято.
Ему взамен встает чета
Капиталиста и демократа,
Ловкие лозунги сочетав.

Но эту хитрейшую из ловушек
Ходатаев тупика
На слове С о в е т ы взрывают и рушат
Лазутчики «Спартака».

Не так ли с востока братаньем, газетой
Входило, вранья раздвигая труху,
В окопы короткое слово С о в е т ы? —
У всех это слово живет на слуху!

Решайте, саксонцы!
Баварцы, решайте!
Не в этом ли слове конец беды?
Но это же слово берет соглашатель!
Проверим, товарищи, наши ряды!

Запоем, затянем новую песню,
Новую песню на новых путях!
Старого напева не выжить, хоть тресни:
Он въелся в печенки, зудит в костях!

Нас на битву собирали,
Гнали, как стадо, со всех концов.
«Deutschland, Deutschland über alles!» —
Пели глотки молодцов.

Мы на славу постарались,
Мы дрались, как храбрецы.
«Deutschland, Deutschland über alles!» —
Пели даже мертвецы.

Нам за храбрость раздавали
Кайзера дар — железный крест.
«Deutschland, Deutschland über alles!» —
Гремел крестов железный лес.

Мы гибли в газовой потасовке,
Мы глохли, слепли, но шли вперед!
«Deutschland, Deutschland!..» — пели винтовки,
«Über alles!..» — вторил пулемет.

Нас кромсали, как в мясорубке....
«Über alles!» — в угоду господам.
«In der Welt...» Ползите, обрубки!
С фронта оружье тащите по домам!

Там буря расправы идет, бушуя.
Буря расправы — в наших руках!
«Deutschland, Deutschland!..» — воют буржуи,
Души спасая в особняках.

Мы идем, чтоб добивать их,
Мы жить хотим без их помех!
«Deutschland, Deutschland!..» К чорту! Хватит!
«Über alles!» — к чорту всех!

Часть Первая

1. ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ЛЖЕ-СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В тот вечер дом военного покрои
Гостей особых свору приютил.
Политиканствующие герои, —
Они засели с видом воротил.

Тут Шнеппенгорст[2] — как первый закоперщик,
За ним министры жмутся, семеня:
Он знает средство верное от порчи,
Он бунт рабочих скрутит без огня.

Он коммунистов сделает ручными,
Он им портфель министра поднесет,
Они не зря сюда приглашены им,
Их надо тут же двинуть в оборот!

И вот уже ораторы хлопочут,
Целебную пилюлю золотят:
«Провозгласим республику рабочих, —
И станет кротким пролетариат!

Партийной распри кончится волынка,
И голубь мира, крылышки сложив,
Над золотой повиснет серединкой,
И на плуги пойдут штыков ножи!»

Вонзив носы в бумажную затею,
За речью речь вгоняя в тупики,
Они орут, они пыхтят, потея,
Распахивая, рвут воротники.

Иным уже мерещатся веночки
И славы сдобной лаковая гладь...
Но Левинэ[3] встает упрям и точен:
«Тут дело ясно.
Не к чему вилять!

Не с болтовней, не за сукном зеленым,
Рабочих власть — она растет в боях,
Она придет, как воля миллионов, —
И ей ли с вами путаться в паях!

Она придет — и ваша песня спета,
Ее шаги уже недалеки.
И мы — за ту Республику Советов,
А в эту свалку мы не ходоки!»

Напрасно Толлер,[4] локоны откинув,
И шпагой бутафорской колотя,
Плетет речей густую паутину,
И анархисты мелют о путях,

И Шнеппенгорст, хитер и озабочен,
То жмет прыжок, то стелется ползком,
То на ходу обличье шерсти волчьей
Приглаживает лисьим голоском, —

Пускай ловцы, размазывая слюнки,
Добычу рвут, пьянеют дележом, —
Там, за окном, иной, рабочий Мюнхен,
Он спит пока, до края напряжен.

Солдат в казарме. Токарь на заводе.
Батрак в хлеву. А сон у них один,
И явь одна. Она, как дрожжи, бродит,
И греет месть, и волю холодит.

Пусть в эту ночь оравой одиночек
Решится вкривь Республики судьба, —
Они придут еще — иные ночи.
За нами — слово, право и борьба!

2. ЧЬЯ ДИКТАТУРА?

Состряпано дело.
«Советы» у власти.
Гордись, пролетарий! Благодари!
К чему этот день сомненьями застить?
Впиши его красным в календари!

Твоя диктатура?
На всех переулках
Алеют плакаты — пойди, убедись,
Войди в эту праздничную прогулку,
Бескровную сплошь, как весенняя высь.

Чтб тебе руки пачкать, если
Добрые дядюшки, опекуны
Клянутся тобой, знамена развесив?
Если буржуи отменены?

Если, на пафосе замирая,
Красными бантами шевеля,
Бредят ораторы близким раем
У государственного руля?

Нынче забот у них — полный ворох.
Ног не жалея, не чуя верст,
Не о тебе ли ведет разговоры
С гвардией Гофмана [5] Шнеппенгорст?

Не для тебя ль запасают патроны
Наемники Носке?[6] Не для тебя ль
«Республиканская оборона»
Синих штыков оттопырила сталь?

Жди, пролетарий!
Заводы и землю
Скоро за кротость тебе поднесут.
Спи, коммунар!
Доброхоты не дремлют:
Сонному горло тебе полоснут.

Вот они рыщут нюхом кабаньим,
Носом посапывая, ползут.
Скоро кровавой ударит баней
Белого путча отменный кнут.

2 Мюнхен

3. ПУТЧ БЕЛЫХ И ОТВЕТ РАБОЧИХ

Рассвет напирал, оседая на зданья,
На стекла лачуг и на шторы скварыг,
На строки развешенных за ночь воззваний,
Свежих еще и от клея сырых.

Листовки взывали к рабочим и даже
Системой Советов для виду клялись,
Но запах фальшивки, но замысел вражий —
Он явно скрывает чужую корысть.

И люди снуют и горланят, судача:
— Но здесь гарнизоны?
— И подпись руки?..
— Они обещают продукты в придачу
К правительству Гофмана...
— Не дураки!..

И слухи ползут, и топорщат уши:
— Белая с Бамберга[7] идет гроза!..
И все-таки по-старому бьет баклуши
Правительства праздная егоза.

И вот, перекидываясь на заводы,
Влезая в казарменные корпуса,
Тревога растет, ворошит голоса,

Хватает за шиворот, гонит на воздух
И дня равновесье трясет на весах.

И вдруг — дыханье тысячи пазух
Дрогнуло.
И на помине легки —
В улицы вкатываются разом
Белогвардейские грузовики.

«Так вот они, авторы добрых сказок!
Опять офицерикам под козырек!..»
Они уже с места наглеют — и сразу
Рабочей походки встают поперек.

Они открывают стрельбу на собраньи
Фабричном, но, вышвырнутые вон,
Располагаются в ресторане,
Ходы ощетиня со всех сторон.

Но двери трещат, подошвы топочут,
«Хватит, красавцы, лакать соуса!»
Это Зонтгеймер [8] ведет рабочих,
В залу врывается, бьет по усам.

— Это на обед вам!
— Это — на ужин!
— Это — чтоб лучше помнили впрок!..
Смяты офицеры:
— Нате вам оружье!
Холеные ручки дерут в потолок.

Наши ребята работают чисто, —
Оружье в руки — шагай, братва!
Это начинается власть коммунистов!
Это впервые — наши права!

Это, срывая замки арсеналов,
Своя, впервые не вкривь, не вкось, —
Идет диктатура.
Это начало
Гвардии красной, своей насквозь!

И вот уже, толп раздвинув заторы,
Крепостью белой замер вокзал.
Вот уже красные парламентеры
Убиты.
И вот она — вот гроза!

Вот она кроет с колонок афишных,
Вот она шпарит из окон в лоб,
Вот она шьет пулеметами с крыши,
Высшую месть подымая в галоп.

Наше оружье пока слабовато,
Без артиллерии — дело швах!..
Плечи захлестывая в канаты,
Орудья бойцы волокут на руках.

И лопнули стекла.
И охнули стены.
И штурм ведет молодой матрос.[9]

И огорошенный Ашенбреннер [10]
Гонит, спасаясь, в ночь паровоз...

И вот на собраньи, до края нагретом,
Иного оратора высится масть:
«Итак, начинается власть Советов,
То есть, товарищи, наша власть!»

4. ЕВГЕНИЙ ЛЕВИНЭ

Явки, тюрьмы, этапы наяву пережив,
Заградиловки пыток пройдя напролет, —
Этот самый, вчера еще явный режим,
Победившая партия с бою берет.

И тогда через голос газетных полос,
Через пыл совещаний, как вызов горя,
Открываясь на весь неожиданный рост,
Он идет, возвышаясь головой главаря.

Он прошел сквозь ошибок двойной переплет,
Он в болотах эсеров годами блуждал,
Он дышал независимых ложью, — и вот
Он выводит на воздух революции шквал.

Всё повернуто заново. Время не ждет.
Но подъема такого не взять на ура́:
Недохват агитаторов, рук недочет,
Мелочей шелуха напирает с утра.

Он обходит собранья, пружинит умы,
Подымает сердца на расправу, на бой,
Он въедается в гущу любой кутерьмы, —
Наконец его голос от хрипа не свой.

Наконец — это ночь, это тьма, это сон,
Это ноги подкашиваются, дрожа,

Это веки лавиной идут под уклон...
Но в газету статья дозарезу нужна!

И усталость на смарку, и сна ни в глазу,
Только ходит плечо, свирепеет перо,
И уж это не строки, а нервы ползут,
И в чернильную жижу подмешана кровь...

Обыватель, свинеющий мордой в корыте!
Ты яреешь издёвкой, ты жмешь кулаки,
Подлипалы, заткнитесь!
Балагуры, замрите!
Языки прикусите, клеветники!

Это в самую гущу по горло войдя,
Наивысшей профессии крепнет азарт,
Это навык подполья, закваска вождя,
Чтобы сердце — насквозь, но ни шагу назад!

Это ярость вождя, уводящая сплошь
От поденной еды, от тишайшего сна,
Для побед, за которые в пытку пойдешь,
От которых дыханью рубаха тесна!..

5. ГОВОРИТ МОСКВА

Из подполья,
Из кабалы,
Сквозь охранок железные шоры,
От листовок из-под полы —
Мы идем, зачинатели спора.

С нами ставленники нищеты,
Безработицы, голода, тюрем,
С нами входишь, Бавария, ты
В молодую советскую бурю.

С нами ты, Левинэ!
Ты ведешь
Эту бурю сквозь вражий правеж.

Но, ряды твои засорив,
Разъедают их, как зараза,
Шейдемановцы,
Штукари,
Подтасовщики и пролазы.

Плечи сплочивая в борьбе,
Нашу руку сквозь гром баварский
Мимо лавочки их штукарской
Мы протягиваем тебе.

С нами ты встаешь вожаком
Красной армии, Эгльгофер!
Ты врывался в имперский содом,
Ты мундиры тряхнул, распоров их.

Каторжанин!
Бунтарь!
Ты в лета
Врастаешь,
Встаешь вестью.
Выглядывай, налетай,
Заводи песню!

Разворачивай дула в ряд!
Выкатывай пулеметы!
Мы такую же грянем в лад,
Не жалея глоток.

Мы знаменами маханем,
Мы винтовками тряханем,

Вскинем на́ плечи ремешки —
(Поджимайте, буржуй, кишки!)

Вскинем на́ плечи, шаганем —
(Не шутите, буржуй, с огнем!)

Шаганем сапожок в сапожок —
(Запирайте, буржуй, домок!)

Мы рванем его с уголка —
(Ваша злоба, буржуй, мелка!)

Мы рванем его до корней —
(Наша ярость, буржуй, верней!)

Нашей кровью дано это право нам —
(Запасайтесь, буржуй, саваном!)

Часть Вторая

1. ТОЛЛЕР ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ НАД ДАХАУСКОЙ ГРУППОЙ ВОЙСК

Отсюда, ход событий вороша,
Его судьбы крошится недомерок.
Ныряют в ней — то ловкость торгаша,
То жест вождя, то замысел Гомера.

Отсюда вехи в сторону ведут.
Коммуны путь не по душе фразеру;
Для виду он идет на поводу,
Но он предаст, едва найдет опору.

Он всею тощей сутью просквозит:
Венок вождя, сукно военной музы, —
Так сквозь игру, сквозь пышный реквизит
Встает живьём актерик захолустный.

Такого сразу не возьмешь на зуб,
Его слова круглы, покрыты лоском —
И он уже втирается в грозу,
Он вождь уже, командующий войском.

Не верь ему — тут не война мышей —
Что он идейный враг кровопролитья:
В его глазах встает одна мишень
Плохой приправой к сну и аппетиту.

Она сама страшит его пока,
И трет его в ежовых рукавицах —
Ведь это за нее встают войска,
Ее пожаром полыхают лица!

Коммуны власть!
Она течет, как яд,
Она кривые руки замухрышек
Несет из нор на гребни баррикад
И делит мир на б у д у щ и х и б ы в ш и х.

«Ее поднять на собственных штыках!
Ступить на горло гидры ненавистной!..» —
И вот он едет к фронту на ролях
Предателя с обличьем пацифиста.

Он — миролюб. Он хочет быть отцом.
Он тут же шлет в Дахау, [11] к белой вышке
Парламентеров и, дивя бойцов,
Дарит врата желанной передышкой.

2. ДАЕШЬ ДАХАУ!

Покуда часы перемирья тянулись,
Скрипели бойцы от зубов до сапог,
И руки чесались, и щупали пули,
И рты подмывало на бой, на «Hoch». [12]

Уже артиллерия, сатанея,
В злобу по ступицу погружена,
Первая выкатила шрапнели, —
Где революция — там война!

Где революция — там расправа!
Хватит сажать ее на тормоза!
Слушайте, бонзы, [13] голос оравы, —
Это колотится в сердце корявом
Самая честная в мире гроза.

И вот пехота хватает оружье —
«Побеждай или подыхай!» —
И срок перемирья летит разбужен,
Встает пехота —
— Даешь Дахау!

Пехота — в цепи, равниной, дорогой,
Вдоль по Дахауским мхам —
«К чорту волынку! Мало ли нас, много ли,
Хватит, зевать —
— Даешь Дахау!»

А Толлер топорщится,
Толлер лопочет:
«Ведь это ж разбой! Нарушенье права!»
«Ничего подобного! — ревут рабочие —
Не бойцы мы, что ли?
— Даешь Дахау!»

У красных — болото, голов забор,
Живые мишени — открытые груди.
У белых — на За́мковой горке орудья,
Приказ майора — стрелять в упор.

Плачь, Мюнхен!
Уже не воротятся
Лучшие, верные. Ясен исход...
Но вдруг дахауские работницы
Солдат майора берут в оборот.

Они растерявшихся канониров,
Толпой окружая, теснят на ходу,
Трясут офицеров и требуют мира,
И вылазкой тыла победу ведут.

И натиск идет обескровлен и краток,
И, славой заёмной заполыхав,
Фронтом командующий литератор
Гордится победой и входит в Дахау.

3. ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

У вождя — петушиный задор.
Слава слепит ему глаз.
Сеет словесный сор,
Метет вороха прикрас.

Ораторы егозят.
Листовки летят, шурша.
Дельного — ни гвоздя,
Стилистика хороша.

Приказы отменены,
Армейцы идут на постой,
И ветер с любой стороны
Обходит заслон пустой.

Бойцы подыхают от духоты.
Слоняйся, плюй в потолок.
Заштопайте ваши рты,
Акулы штабных берлог!

И вот — балагурства верх,
Сияющий балаган,
Развала прямой пример —
Первый военный план.

4. ВОЕННЫЙ ПЛАН ТОЛЛЕРА В ДЕЙСТВИИ

Баварской ночи красота
Повисла над Дахау.
Храпит в сараях босота,
Купцы — в пуховиках.

Заслоны фронта негусты,
Гляди, баварский бог, —
Кой-где рассованы посты,
Как будто враг подох.

И трубку высосав до дна,
И стукнув о каблук,
Ворчит патруль:
«Бежит война,
Как рыба между рук!»

Но вот сквозь белый звездный ток
В болотный жирный дух
Разведки вражьей топоток,
Дразня, въезжает вдруг.

Свинцом бы свистнуть по кустам,
Поднять бы гром штыков!
Но вестовой шагает в штаб:
Военный план таков.

И выстрел высится в ночи,
Пугая петухов, —
Условный знак для каланчи:
Военный план таков.

Лениво трут бойцы глаза,
По брови в снах застряв,
Растет потешная гроза, —
Не сыщут звонаря.

Запропастился чортов сыч!
А страх плывет с боков,
Пора долбить набатный клич:
Военный план таков.

А Толлер, фразы отточив,
Сквозь дутой славы нимб,
Как цезарь движется в ночи,
И клингельгофер [14] с ним.

И вот на площади, чертя
Фонариками тьму,
Встают бойцы и шлют к чертям
Сухую кутерьму.

И вот под вопли каланчи,
Под вымах рукавов
Разводят речи трепачи:
Военный план таков!

Оратор входит в самый раж,
На пафосе визжа:

«Бескровен лучший лозунг наш:
Ни пули, ни ножа!

«Не революцию Москвы
И не Берлина бой,
Сыны народа — я и вы —
Несем одну любовь!»

Кругом — базарные замки,
Десятка два мещан:
«Такие — что ж большевики —
Пускай их верещат!..»

Пока в зенит восходит речь,
Красотами гордясь —
«Разведка скрылась.
Можно лечь!» —
Доносит снизу связь.

И так опять до той поры,
Когда, собрав кулак,
Прощупав красных до норы,
Бедой ударил враг.

5. РАССКАЗ О ТОМ, КАК МАТРОС-ТЕЛЕФОНИСТ ПРЕРВАЛ РЕЧЬ ТОЛЛЕРА И ВЕРНУЛ КОМАНДИРОВ НА ФРОНТ

За шагом шаг сколачивая фронт,
Не только дух крепили коммунисты:
Успех побед — и в технике сторон,
Нелепо грудью пялиться на выстрел.

И вот, подъяв демократии штамп
Для обсужденья боевых рогаток,
Вояка Толлер созывает штаб
И отзывает с фронта делегатов.

Ему знаток военный тычет в нос
Военной тайны правило простое:
«Не скопом же решать такой вопрос, —
Избрать троих —
И делу нет простоя!»

Но этот как пошел вола вертеть:
Ему давай размах демократии!
Большевики смели б такой вертеп
И толчею пустую прекратили б.

Фронт оголен.
спор идет взасос.
Чем он длинней, тем проигрыш вернее.

Уже терпенье лопается в лоск,
Уже на фронте явно стервенеют:

Мы где?
В трактире или на войне?
Даешь команду или вырвем душу!»
Тогда телефонист, осатанев,
Горячим звоном обжигает уши.

И голосом, как будто нанятым,
Где с каждой ноты сыплется тревога,
Кричит:
«Противник обошел посты,
И на Дахау прет прямой дорогой!»

И вот герой, забыв лицо стыда,
Вбегает в зал сырой, размякшей бабой:
«Противник здесь!
Готовить поезда!
Грузить обоз!» —
И вон стрелой из штаба.

И, хвост поджав, бегом в автомобиль.
Ищи — свищи!..
Достойная персона!
В таких делах — куда твой гладкий стиль?
С пером в руках — ты все равно ворона...

И командиры, кроя на ходу
Всю канитель, спешат к частям и видят:
Команду взяв, армейцы бой ведут,
Фронт, как и был, по облику обыден.

И говорит, смеясь, телефонист:
«Я ключ нашел от языка большого.
Я в этой лжи до самой глотки чист:
Беда грозила козырем дешевым!»

6. ВЫХОД КОММУНИСТОВ ИЗ СОСТАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА

По сути — незыблемо слово «враг»,
Но облик врага многолик.
Один — оружье несет в руках
И ненависть напрямик.

Такого ударь, отбей, опрокинь!
Он весь, как есть, на виду.
Другой до подошв сотрет каблуки,
Шагая в твоем же ряду.

Он вражью до времени выгладит масть,
Готов за тебя на рожон,
Личиной дружбы оборотясь,
Он вывернется ужом.

Он сделает масляным каждый глаз,
Он голос выстелит в шелк,
Он выищет день,
Он выберет час,
Он каждый учтет вершок —

И он предаст.
Он вытянет нож
Измены из рукава.
Такого спроста не обойдешь,
И все ему — трын-трава!

Так независимых голоса
Отравой ряды кропят
И партию, встав поперек колеса,
Расшатывают до пят.

Дорога барьеров, ям, потерь —
Слишком опасный риск:
Они без крови откроют дверь
В мирный социализм.

В грудь ударяя, гордясь показной
Покорностью в лице,
Они на собраньи Совета двойной
Вытаскивают рецепт.

Кланяйся в пояс, рабочий класс!
Запомни эти слова:
Долой вождей-коммунистов! — раз
С гвардией Бамберга мир! — два.

Ловко тасуя за фактом факт,
Выходит Меннер,[15] финансист —
И пляшут ложью в его графах
Кривые колонки цифр.

И тут же, от славы вконец обнаглев,
Толлер сам эту пляску ведет:
«Кончать оборону!
Долой Левинэ!
Долой иноземный сброд!»

Но он уже здесь, его узнают —
Голос большевика:
«Бросить оружие — значит капут,
Гибель наверняка!

«Бросить оружие — значит террор,
В спину рабочих нож!
Мы в бой пойдем, но в этот позор
Из нас ни один не вхож!»

Собранье катится кувырком.
Снуют шпионы.
Смута растет.
И тонет вызов большевиков,
И доводы их не в счет...

«Покуда на партию клевету
Не приберем к рукам, —
Тем, кто в армии, — быть на посту.
В подполье уйти вожакам!»

Часть Третья

1. ИЗМЕНА И ПРОРЫВ НА ФРОНТЕ

Входило утро, нежилось,
Настраивало птичий хор,
Полоскало свежестью
Глотки петухов.

Оно вошло уверенно
В мир, в день, в трезвость,
Поскрипывало деревом,
Брякало железом.

Оно играло росами,
Как мирных дел образчик.
Вдруг, пыля колесами,
Вкатился самокатчик.

И сразу, слух ошпарив
Вестью военных зарев,
Поплыл переполох,
Пошла толкучка ног.

И сразу, короток и строг,
Приказ по отделеньям:
Ухо держать востро́,
Готовиться к наступленью!

Противник тихим был на редкость.
Едва поблескивал вдали,
Но вскоре щупальцы разведки
Известье штабу донесли:

С востока, прямо на Дахау,
Грозя начищенным штыком
В лицо «бунтующему хаму»,
Встает дивизия стрелков.

Встают студенты — недоноски,
Баварское офицерьё —
В твою защиту, добрый Носке,
Во имя чортово твое!

За ними вслед из деревенек
Встают кулацкие сынки.
Свобода купли, царство денег
Зовет и строит их полки.

А дальше, к северу, в лощине
Ландшафт задвигался рябой,
И корпус Герлица, щетинясь,
Развертывается на бой.

У них на совести — как ночью,
Их черный список бьет в глаза:
Силезских резали рабочих,
Крошили польских партизан.

И, высшей доблести заплата,
Как знамя выжжено на лбу:

Гробовщики прямых вожатых
И Либкнехта, и Люксембург.

В 12-30 обе части
Должны, собрав единый дых,
Рвануться в бой и громом хряснуть,
Врезаясь в красные ряды.

И эта весть по батальонам
Тревогой терла голоса,
Терзала слух,
Трясла знамена,
Подтягивала пояса.

Она, как дверь из каземата,
На обе створки разлетясь,
Сулила близкую расплату,
Сердец упрочивала связь.

Всё залегло сплошной засадой,
Всё было взято на учет:
И каждой лужицы осадок,
И каждый кустика сучок.

И, как детали к панораме,
Перекосив путей ходы,
Торчали, выпятив кадык,
Стволы матёрыми телами,
Завалы веток молодых.

Уже вот-вот — и враг бабахнет,
Уже винтовкам невтерпеж,

Но время сонной черепахой
Ползет, наматывая дрожь.

Уже штабисты, фронт объехав,
Принять любой решают риск —
Предвестье верное успеха —
Боец, готовый до петлиц.

И вдруг, как на́ голову льдина,
Как среди ночи крик «горим»! —
Иные домыслы раскинув,
Им Клингельгофер говорит:

«Мне только что... По телефону
Грузить войска и штаб. И враз
Из боя выйти без урона...
Сам Эгльгофер... дал приказ...»

И разом штаба коммунисты
Встают протестом на дыбы:
«Пустить врага дорогой чистой!
Ложиться заживо в гробы!»

Но, штаба доводы ломая,
Стоит хитрюга на своем:
«Один участок подымая
На бой, других мы предаем.

Мы тем нарушим равновесье,
Частей соседних слаб размах,
И каждый выстрел наш — довесок
На красной гибели весах!»

И вот — отбой по отделеньям,
Разгром, разруха, разворот.
Сердца взрывает исступленье
И руганью коробит рот:

«Зачем, победу колыхая,
Мы добывали каждый шаг?
Зачем шагали на Дахау?
Шли, подыхая, на Аллах?[16]

Затем ли, чтобы, грудь топыря,
Хлыщи, рвачи, говоруны
Сухой волынкой перемирий
Вели «спасение страны?»

Затем ли, чтобы, став на ворот
И когти по сердце вогнав,
Добил рабочих белый ворон,
Коммуны волю доканал?!»

2. ЕСЛИ...

Если глаза и грудь
И руки перед врагом
Приказано повернуть
Налево кругом;

Если бойца позор
В приказе несет связист,
И поднятая в упор
Винтовка из рук скользит;

Если на свалку, в склад
С фронта снаряд идет,
А каждый такой снаряд
Республике — шаг вперед;

Если вот эту пядь
Земли под твоей пятой
Надо без боя сдать
Хозяевам на постой;

Если снарядов гром
Роет поля вокруг
И лошадь под седоком
Грохается на круп;

Если встает земля
Дыбом из-под лодыг;

Если врага петля
Врезывается в кадык, —

И все-таки слово «брось!»
Чью-то несет корысть —
Зубом скрипи, злость!
На́двое, сердце, рвись!

3. НИЧЕГО НЕ ЗНАЯ ОБ ИЗМЕНЕ, ЭГЛЬГОФЕР СПЕШИТ НА ФРОНТ

Подымаю голос на связки на все.
Камешек за камешком бежит шоссе.

В голосе обида встает горой —
Едет Эгльгофер, вожак, герой.

Свищет ветер. Шины шуршат.
Едет победу вершить большак.

Где ж тут победе возвыситься? —
Фронт в руках независимца.

Надо охладить говорильни жар...
С фронта навстречу идет санитар.

Осади, машина!
Вернись, командир!
Нет твоей армии впереди.

В оба гляди!
Грудь береги!
Пулю тебе в сердце вобьют беляки!

Встань на последний, на страшный спор:
Имя твое волокут на позор!

Значит, опять — петля! Тюрьма!
Продали республику задарма.

Круче, шофер, осаживай, —
Продали республику заживо!

Ты крути колеса, убыстривай —
Продали, сволочи, без выстрела!

Думали просто: своруем — и вся.
Мы еще, браток, поторгуемся!

4. ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА МЮНХЕН

И вот разоружены батальоны.
Застопорен гнев, и руки пусты.
На Мюнхен, на Мюнхен ползут эшелоны,
Скрипят буфера. Пролетают мосты.

И всё, что с бою добыто, как слава,
Продано, смято, затоптано в грязь.
Это не армию, это ораву
Рабов обойденных везут, глумясь.

Это за дальним опять перегоном —
Старая песня, великий пост...
Выходите, матери!
Встречайте, жены,
С хлебом да солью своих же слез!

Вот он показался, дымок паровозный,
Ухают рельсы. Гудок. Тупик.
Выходят армейцы — и поднят на воздух
Рев разъяренной вконец толпы.

«Что ж это, товарищи?
Стало быть, сразгону
В белую петлю, в белый угар!..» —
Растеряны рабочие — бросают патроны,
Ломают винтовки, швыряют в Изар...[17]

5. РАЗГРОМ

Лежит мостовая — чиста, гладка.
Топот копыт. Перезвон трамвая.
Но враг у ворот! Но беда близка! —
И в гору дыбится мостовая.

Деревья — суки, стволы, кора,
Сквозной листвы прохлада.
Но визг пилы! Но бряк топора! —
И горбится баррикада.

Афишных столбиков кругляши.
Распоротые заборы.
Каждой булыжиной в дело вшит, —
Рабочими поднят город.

И вот, холуями окружены,
Двинулись фоны, бароны, чины.

А чтобы наймита купить сполна,
Чтоб каждый дрался ретиво —
Премия храбрым утверждена:
10 марок, пол-литра вина,
5 литров пива.

Идут, барабанами гоноша,
С музыкой в такт нетрезвый:

Белая воля!
Гуляй, душа!
Валяй, души, вырезывай!

Холеную морду обмой в крови,
Покуда кровь дешева!
Двинь штык! Нна! Рви!
Всаживай, прошивай!

Пускай и жить нам — только день,
Пускай даже час — он наш!
Хоть ляг поперек,
Хоть зубом задень,
Вражий сбивая раж!

Руки — двигатели работ,
Отменные рычаги,
Но если и руки приклад перебьет —
Бей уступком ноги!

И вот, по-волчьи рыская,
Выслеживая связь,
Они вождей выискивают,
Вытаскивают, глумясь.

И вот Эгльгофер пойман,
И связан. И волки кругом
Обходят. И вдруг рывком
В грудь ударяют стоймя
Фельдфебельским сапогом.

Рраз — топоток! Два — топоток!
В грудь! В живот! В живот!
Что ж, пляши, веселись, браток! —
Может, еще накинут пяток
Марок — прямой доход!

Но он встает. Он все-таки жив.
И пуля идет в упор,
В лоб, и, голову просквозив,
Врезывается в забор.

День. Ночь. — Идут, вороша.
День. Ночь. — Шарят опять.
И вот уже выдан главный вожак,
Можете ликовать!

6. СУД НАД ЕВГЕНИЕМ ЛЕВИНЭ

Судебный зал от двери к двери
Обыскан с ног до головы,
И трижды заново проверен,
Прощупан с пылом боевым.

У каждой лестницы на случай
Готовый к бою пулемет,
Снаряды, свалепные в кучи,
Ручных гранат невпроворот

Тут места нет для полумеры,
Тут классы сходятся в упор.
В судейских креслах офицеры
Махровые, как на подбор.

И он идет на эту клику,
Один, затравленный до тла,
Его сбивают с панталыку,
Кривят, клевещут, бьют с угла.

Его опутывают, душат
И ложью, взятой с потолка,
Вгоняют сразу в сто ловушек,
И в каждой смерть наверняка.

И, щеголяя красноречьем,
Руками воздух тормоша,
Защита с храбростью овечьей
Елеем мажет по ушам.

И он встает.
Он измочален
Допросов тошной кутерьмой.
И жизнь его, как на причале,
Встает, маяча, за плечами
То царской плеткой, то тюрьмой.

Уроки первые подполья
В стране казенок и нажив.
Побег, жандармские побои.
Скитанья с именем чужим.

Не спать ночей. В углах ютиться.
Терять концы. И гнать опять.
И снова падать, снова биться,
Не изменять!
Не отступать!

В такой вот жизни жестче жести
Найти хотя б единый шаг
Корысти, трусости, бесчестья
Не мог бы самый ярый враг.

Но ими, черными от каверз,
Но ими найден не один!..

И он встает, переминаясь,
Среди крепчайшей из тишин.

И он вступает ровно, разом,
И голос тверд и глуховат.
Он слово гнет. И с каждой фразой
Все шире доводов охват.

И он растет.
И, в такт качаясь,
Взахлёб, картавя, торопясь,
Бородки легкую курчавость
Щипком коротким теребя,

Как натянувший вдруг поводья,
Конь, затесавшийся в беду,
На воду свежую выводит
Судейских трюков чехарду.

Он порет швы противоречий
Судов казенных и тупых,
Их подоплек бесчеловечье,
Природу классовую их.

Он говорит, что неподсуден
Таким судам, что он ноги
Не двинул бы, что тут по сути
Несовместимые враги.

Но долг иной партийной чести
Его ведет, чтоб на виду

Всю опрокинуть здесь на месте
Накопленную клевету.

Что он смягченья приговора
Не добивается, не ждет,
Но каждой мыслью, каждой порой
Защиту партии ведет.

Что — трижды нет! — не «жажда крови»
Рабочих ввязывала в бой,
Но то неравенство условий,
Что налицо в стране любой.

«Вы говорите, нами развален
Внутренний мир? Но его не вернешь,
Покуда рабочий гниет в подвале,
А вы узакониваете грабеж.

Меня упрекают за то, что стачку
Десятидневную я объявил,
Но повернем этот факт иначе.
Я этим нарушил работу? А вы?

Зачем тут лазить в ящик долгий?
К чему подымать мышиный визг? —
Вы сами рабочих в неистовой гонке
Миллион за миллионом гнали на риск.
Вам были нужны Багдад и Лонгви,
Рабочим нужен коммунизм!

Вы утверждаете, что морально
Виновен в расстреле заложников я.

Не те ли виновны, что Мюнхен брали
Руками обманутых пролетариев,
Силами негров и офицерья?

Нас упрекают за то, что газетам
Буржуазии заткнули мы рот.
Вы знать хотите — террор ли это?
Да, это террор!
Но в ответ на тот,

На тот террор, что «Rote Fahne»
Вгоняет в глотку смертный хрип,
Тот самый террор, что перед вами
Ставит меня и велит говорить!

Тот самый, что голосом прокурора
Смерти моей добивается здесь!
Ласка врага — клеймо позора!
Злоба врага — высокая честь!

Ты мягко, враг мой, стелешь,
Да жестко спать бедняку!
Мы, коммунисты, все лишь
Мертвецы в отпуску.

Не осадить вам ярость времени! —
Останусь ли в отпуску,
Стану ли в строй друзей моих,
Либкнехта и Люксембург, —

Будет победа!
Придет она!

Только б дождаться ее —
И все, кто сегодня в креслах почетных,
Встанут на месте моем!

Я весь этой жаждой выболел.
Но даже сквозь горы бед
Я вижу за этой гибелью
Всемирную ширь побед!»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Опять над городом, над полями,
Над всей Баварией — тишина.
Опять, озаряя казенное знамя,
Сияет казенная луна.

Опять достатком перед голью
Гордятся склады. Жиреют ларьки.
Опять закапываясь в подполье,
К гортаням липнут языки.

Опять, закапываясь в подполье,
За хлебом. Опять несут с утра
К чужим станкам свои ладони
Квалифицированные мастера.

Их обрабатывают ораторы,
Духовной пичкают бурдой,
Они зовутся демократами,
Клянутся Маркса бородой.

И все-таки, мышцы напрягая,
Дыша запретов тупиком,
Тюрьмой дыша, растет, шагает
Новая республика большевиков.

Ее не вытравишь расстрелом,
Ее не затопчешь сапогом, —
Она придет, как день, как зрелость,
Она поставит на своем.

Она повытряхнет, как заразу,
Как пыль, повыбьет за ворота —
Всех — до тишайшего пролазы,
Всё — до вреднейшего винта.

Покуда ж — перины взбивают мамаши.
Храпят победители. Зреет закон.
Походные кони в стойлах пляшут.
Им снится парада военный звон.

Гремят притоны. Жует отбросы
Костлявая армия нищеты.
Ее охраняют на перекрестках
Дубина шуцмана и штык.

За ней снуют, крошат вожжтых,
Суют подачки, жгут в огне.
Она растет, грозой хвостатой
Раскатываясь по стране.

И в тишине сквозной баварской,
В густой голодной тесноте,
Листовки скатывая с опаской,
Поют о тех, говорят о тех, —

Кто шел, как вызов, не сгибаясь,
Не отступая, не скупясь.
Кто победителям на зависть
И после смерти живет, как связь.

Чьи взрываются сухие,
Пороховые, как война,
Проклинаемые, дорогие,
Запрещенные имена.

7 ноября 1931 г. — 17 апреля 1932 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Deutschland, Deutschland über alles.
Über alles in der Welt» — «Германия, Германия превыше всего, превыше всего на свете» — немецкий национальный гимн.

[2] *Шнеппенгорст* — военный министр социал-демократического правительства Гофмана. Рост коммунистического влияния в массах и успех идеи советов заставили его вместе с «независимыми» социал-демократами и анархистами прибегнуть к хитрому маневру: провозгласить «советскую республику» с расчетом отвлечь тем самым внимание пролетариата от борьбы. Одновременно подготавливал и возглавил потом нападение белых на Мюнхен.

[3] *Левинэ, Евгений,* — коммунист, вождь Баварской Советской республики. Родился в Петербурге в 1883 году, в семье богатого купца-мануфактуриста. Рано порвал со своей семьей. Был в партии эсеров, прошел длительную и суровую школу подпольной борьбы, был несколько раз арестован, однажды за попытку бежать из Минской тюрьмы был зверски избит полицией. Бежал за границу. Выступал как противник империалистической войны. Вступил в «Союз Спартака». После разгрома коммунистов в Берлине и убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург усиленно разыскивался жандармами, вел партийную работу в разных городах Германии. С марта 1919 года по поручению ЦК КПГ редактировал мюнхенскую газету «Rote Fahne» («Красное знамя»). После провозглашения мнимо-советской республики «независимых» резко разоблачал ее предательскую сущность. Встал во главе Советской республики. После разгрома Мюнхена скрывался по постановлению партии. Был выдан в руки белых провокатором. По приговору военно-полевого суда расстрелян 5 июня 1919 года.

[4] *Толлер, Эрнст,* — социал-демократ «независимец», литератор, один из вождей лже-советского правительства. После опубликования Советской республики «признал» ее, командовал Дакауской группой войск, путем интриг и кле-

веты добился выхода коммунистов из состава правительства, предал их, изменнически прорвав главный дахауский участок фронта.

[5] *Гофман* — правый социал-демократ, один из активных организаторов наступления белых на Мюнхен.

[6] *Носке* — военный министр Германии — «кровавая собака», убил в 1919 году 15 000 рабочих.

[7] *Бамберг* — клерикальный город, штаб белых войск Гофмана.

[8] *Зонтгеймер* — коммунист, погибший при разгроме Советской республики.

[9] *Эгльгофер* — рабочий, матрос, руководивший 13 апреля нападением на главный вокзал. Главнокомандующий Красной армией. В 1917 году за участие в восстании во флоте был приговорен к расстрелу, который был заменен ему пожизненной каторгой. Зверски убит белыми при разгроме Мюнхена.

[10] *Ашенбреннер* — социал-демократ, комендант Мюнхенского вокзала.

[11] *Дахау* — город, расположенный на возвышенной местности, окруженной болотистыми мхами. Главный участок фронта борьбы с белыми.

[12] Hoch — ура.

[13] *Бонзы* — китайские попы. Употребляется в Германии как прозвище оторвавшейся от масс верхушки профсоюзного и партийного аппарата.

[14] *Клингельгофер* — социал-демократ «независимец», сподвижник Толлера, заместитель его по командованию Дахауской группой войск.

[15] *Меннер* — «независимец», комиссар финансов Советской республики.

[16] *Аллах* — местечко, отбитое красными у белых.

[17] *Изар* — река в Мюнхене.

СОДЕРЖАНИЕ

Конец мировой войны. Немецкие солдаты идут по домам 7

Часть первая

1. Провозглашение лже-советской республики . . . 13
2. Чья диктатура? 16
3. Путч белых и ответ рабочих 18
4. Евгений Левинэ 22
5. Говорит Москва 24

Часть вторая

1. Толлер принимает командование над Дахауской группой войск 29
2. Даешь Дахау! 31
3. После победы 33
4. Военный план Толлера в действии 34
5. Рассказ о том, как матрос-телефонист прервал речь Толлера и вернул командиров на фронт 37
6. Выход коммунистов из состава правительства . . 40

Часть третья

1. Измена и прорыв на фронте 45
2. Если... 50
3. Ничего не зная об измене, Эгльгофер спешит на фронт 52
4. Эшелоны идут на Мюнхен 54
5. Разгром 55
6. Суд над Евгением Левинэ 58

Послесловие 64

Примечания 67

№ 310

Отпечатано для Издательства писателей в Ленинграде 2-й типографией ОНТИ им. Евг. Соколовой, Ленинград, пр. Красн. Командиров 29, в количестве 5300 экз. — 2¹/₄ л. Заказ № 3704. Ленгорлит № 51977. Переплет и супер-обложка М. Кирнарского. Сдано в набор 8/X 1932 г., подписано к печати 12/II 1933 г. Порядковый № 16. Формат бумаги 72 × 110. Тип. знаков в 1 печ. л. 46784. Бум. л. 1¹/₈. Ответств. редактор А. Прокофьев. Техн. ред. Д. Бабкин.

1933

КНИГИ НИКОЛАЯ БРАУНА

Мир и мастер. Стихи. 1926 г.
Новый круг. Стихи. «Прибой». 1928 г.
Вылазка в будущее. Стихи. ГИХЛ. 1931 г.
Действие словом. Избр. стихи. ГИХЛ. 1932 г.
Стихотворения. Изд. Писателей в Ленинграде. (Печатается).